

Философские науки

УДК 130.1:327(1-87)

Н.В. Теплых

Теплых Никита Валерьевич, ассистент Центра гуманитарного образования «Гуманитарный институт» (Москва, ул. 1-я Мытищинская, 23), e-mail: ni.teplykh@yandex.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОЗИЦИИ ДИАЛОГА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И ЗАПАДА

В статье представлены идеи западников и славянофилов в отношении России и Запада. Ключевым моментом статьи является поиск объединяющего звена позиций западников и славянофилов. Главный акцент в статье в связи с современным положением России и Запада делается на способность россиян к синтетическому примиряющему противоположности восприятию, к пониманию исторической реальности. При новом осмыслении идей русской философии, не услышанных своевременно, существует возможность прийти к новому бытию, а главное – к новому мышлению.

Ключевые слова: вера, вестернизация, западничество, славянофильство, национальность, общечеловечность, православие, разум, самобытность, солидарность.

N.V. Teplykh

Teplykh Nikita Valeryevich, assistant of the Center for humanities education «Humanitarian institute» (23, 1-st Mytischinskaya st., Moscow), e-mail: ni.teplykh@yandex.ru

THE RELEVANCE OF THE POSITION OF THE DIALOGUE IN RELATION TO RUSSIA AND THE WEST

The article presents the ideas of Westerners and Slavophiles in relation to Russia and the West. The key point of the article is the search for a unifying link between the positions of Westerners and Slavophiles. The main emphasis in the article in connection with the current situation of Russia and the West is on the ability of Russians to synthesize reconciling opposites, perception, and understanding of historical reality. With a new understanding of the ideas of Russian philosophy, not heard in a timely manner, there is an opportunity to come to a new being, and most importantly-to a new thinking.

Key words: faith, westernization, westernism, slavophilism, nationality, universal humanity, orthodoxy, mind, identity, solidarity.

Центральную роль в истории русской мысли играет тема отношения России к Западу. Это проблема многоаспектная, т.к. затрагивает общественно-политическую жизнь, философию и религию.

В русской культуре постепенно оформились два лагеря: западничество и славянофильство. Русские философы – А.С. Хомяков и И.В. Киреевский – стали основоположниками славянофильства. Их статьи «О старом и новом» и «В ответ Хомякову», соответственно, заложили основы этого движения. Они обосновывали идею самобытности не только российского социума, но и его исторического развития. В их понимании самобытность русского народа выражалась в наличии православия как единственного истинного христианства, а также в крестьянской общине. Поэтому славянин противопоставлялся западному человеку, утратившему духовную целостность. Следовательно, западный человек лишен возможности истинного познания, поскольку целостный дух, его обеспечивающий,

неотделим от религиозной веры, включающей соборное начало, которое проявляется в общине. Община в русском сознании представляет собой специфическую социальную организацию русского народа, в которой объединены два начала: хозяйственное и нравственное. Ведущим принципом социальных отношений должно быть самоотречение каждого в пользу всех.

Славянофилы впервые в истории русской мысли однозначно поставили вопрос не только о принципиальном отличии социального строя России от европейского, но и о глубоком своеобразии исторического пути России. Они отрицали необходимость исторического поворота к Европе. Такая позиция объяснялась внешним отчуждением России от Европы.

Зачинатели славянофильства, начавшие адаптацию православия в структуру социальной и этической философии, ставшей позднее важнейшей чертой русской философии, явились наследниками православной доктрины об особенностях, Богоизбранности России. Идея особой миссии России, начиная с 1840-х годов, получила сначала славянофильское, а в последствии и панславянофильское прочтение. Это и неудивительно, ведь данная идея была связана с представлениями о долге России в деле освобождения южных славян от Османской империи. Как верно подметил российский философ В.С. Глаголев, тема славянской миссии России позволяла царскому правительству рассчитывать на патриотическую консолидацию общества, тем самым оправдывая многочисленные жертвы, принесенные на алтарь государственной политики, начиная с Первой мировой войны. Последующие десятилетия российской истории лишь подтвердили сохранение у народов России таких черт, как бескорыстие, жертвенность, сплоченность, самоотверженность [1, с. 297]. Следовательно, решение проблемы национальной самобытности России тесно связано с другой проблемой – истинной христианской веры (православия).

Религия – отчужденное состояние веры, и эта отчужденность во всей полноте проявляется в условиях России. Данный трагический процесс констатирован славянофилами, которые выступали, с одной стороны, против

резкой субъективизации веры, превращения ее в дело «внутренней церкви» отдельного лица, а с другой – против обезличивания народа в целом, превращения его лишь в «количество» граждан, против десакрализации внутреннего православия единственно российского общества.

Славянофилы и П.Я. Чаадаев сходились в том, что познание и понимание Священного Писания возможно с привлечением разума и науки, подчеркивая тем самым важность человеческого фактора. При общей иррациональной окраске у славянофилов выражено стремление к богословско-философскому синтезу. Его результатом должна была стать новая православно-христианская философия – «общий итог и общее основание всех наук и проводник мысли между ними и верою» [4, с. 252]. Православию соответствует, согласно славянофилам, особый способ Богопознания – мистико-аскетический. Во-первых, он предполагает проявление человеком своих нравственных, эстетических способностей, а во-вторых, – действие благодати, даруемой через церковь [6]. Следовательно, славянофилы наметили православный вариант пути модернизации христианства.

Напротив, западники стремились обосновать свои идеи, апеллируя не к религии, а к науке, к «просвещенному» разуму. Но они не стремились к вестернизации страны. Сами слова – «западники», «западничество», – по мнению В.В. Кожина, таят в себе подрывной смысл. Под словом «западник» подразумевается человек, преодолевший «русскость» и «сравнявшийся» с людьми западноевропейских стран. Конечно, «западник» является разновидностью русского человека, но он стремится превратиться в западноевропейца. Однако благодаря этой особенности «западника» «русскость» в нем проявляется наиболее явно по сравнению с любым другим русским, который остается самим собой, живя в своем мире. Именно в таком типе «западника» очевиден надлом, так как он не может сравниться с западноевропейцами, подобно искусственным вещам, которые невозможно сравнивать с естественными, природными вещами [5].

В свою очередь, славянофилы не призывали отгородиться от Запада «китайской стеной». Так, И.В. Киреевский писал: «Сейчас России надо поучиться у Запада, потом Западу придется учиться у России» [3, с. 226–227]. Несмотря на наличие отличительных особенностей между западничеством и славянофильством, нельзя не заметить и их сходство и родство. Так, русскому мыслителю С.Л. Франку близость между данными религиозно-философскими течениями русской общественной мысли виделась в виде межличностных родственных отношений. Несмотря на непонимание друг друга, они одновременно ощущают внутреннее родство, основанное на общем происхождении.

Что же роднит русскую и западноевропейскую культуры? Их объединяет общность происхождения – сплав духа античности и христианства. Иными словами, обе культуры представляют собой ответвления об общего ствола, что, кстати, признавалось и славянофилами. Например, А.С. Хомяков в своих стихах Европу («дальний Запад») представлял в виде страны «святых чудес» [10, с. 103].

Русский мыслитель Ф.М. Достоевский устами своего литературного персонажа Ивана Карамазова сравнивал современную ему Европу с церковным кладбищем, на котором, однако, каждый могильный камень является свидетельством глубины веры и чудесных подвигов, перед которым невозможно устоять, «хочется пасть перед ним на колени и целовать его» [2, с. 210].

Следовательно, мышление западников внутренне определено идеалом универсализма, тотальностью общественной жизни, которая интегрируется со свободной человеческой жизнью. Это и есть лейтмотив славянофилов.

Возможно, рассмотренные выше «перепутья» исторического развития России не были бы столь несостоятельными, если бы был услышан завет гениального поэта А.С. Пушкина, который был еще и мудрецом. Он продемонстрировал способность к такому восприятию, пониманию исторической реальности, которое синтезирует, примиряет

противоположности. «Его мышление не удаляется от конкретной полноты действительности, никогда не поддается искушению подменять ее отвлеченными, упрощающими схемами и систематически-логическими связями» [7, с. 253], – писал С.Л. Франк. Сам Франк, следует отметить, основу своего философского метода строил на принципе металогического, трансрационального единства противоположностей, сущность которого обнаруживается как единство раздельности и взаимопроникновения.

А.С. Пушкин призывал не быть односторонними, а смотреть на трагедию глазами британского поэта У. Шекспира. «Видит Бог, как я презираю и ненавижу немецкую метафизику; но что поделаешь. Собрались ребята теплые, упрямые: поп – свое, а черт – свое!» [8, с. 276]. По мнению А.С. Пушкина, даже «черт» наряду с «попом» имеет какое-то право на существование. Оценка творчества А.Н. Радищева представляет собой базовый принцип мировоззрения Пушкина: «Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви» [8, с. 276]. Великий русский поэт, к сожалению, не смог дожить до классической эпохи спора между западниками и славянофилами, однако основа спора была ему знакома. Более того, его творчество повлияло на определение приоритетов идейно-эстетических установок, философско-исторических убеждений славянофилов. Поэт не только отвергал западничество, защищая самобытную русскую культуру. Позиция славянофильства, принижавшая значение для России западной культуры, также была для него неприемлема. На первый взгляд, подобное отношение к западничеству и славянофильству выглядит довольно эклектично в своей попытке примирить непримиримое. Скорее, их спор следует оценивать как возможность подлинного синтеза, который открывает не только более широкие философско-исторические и духовные перспективы. «Нравы Византии никогда не были нравами Киева», – писал Пушкин. «Так почему же, – задает он вопрос Хомякову, – культура московского государства, в котором славянофилы видели адекватное выражение национального русского духа, выросла на почве Византии, а

культура петербургской эпохи заранее объявляется чуждой и враждебной национальному своеобразию только потому, что она оплодотворена западным влиянием» [9, с. 281].

В отличие от западников и славянофилов, А.С. Пушкин гораздо глубже ставил вопрос о самобытности народа и его отношении к усвоению других культур. По его мнению, самобытность народа предполагает его открытость к чуждому влиянию, отсутствие обособленности национальной культуры. Поэтому народный дух подпитывается материалом, который заимствуется извне и в дальнейшем перерабатывается. Тем самым национальное своеобразие не только не теряется, но развивается. Таким образом, великий русский гений подчеркивает важность взаимодействия между народами, обеспечивающего их культурное развитие и сохраняющего исконное своеобразие. Поэтому такой подход А.С. Пушкина снимает саму дилемму, которая является основой философского дискурса между сторонниками национальных (преданность исконному, родному) и общечеловеческих (доступность чуждому влиянию) идей.

Пока вопрос о возрождении русской культуры остается открытым, следует помнить о мудрых заветах великих мыслителей, особенно ценных в условиях современного состояния нашего общества. «Нежелание осознавать собственных и мировых материальных и интеллектуальных богатств, культурного и философского наследия, недооценка гражданским обществом и государством результатов достижений – все это является тормозом развития нового социального и культурного общества, которое должно стать менее заземленным, менее конфликтным, более свободным, более солидарным» [11, с. 11]. При новом осмыслении их идей, не услышанных своевременно, они должны привести к новому бытию, а главное – к новому мышлению.

Список используемой литературы:

1. *Глаголев В.С.* Политическая культура // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энцикл. слов. / Под ред. М.П. Мчедлова. – М., 2001. – С. 297–300.
2. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 30 т. / Ф.М. Достоевский; ред. кол. В.Г. Базанов и др. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – Т. 14. – 411 с.
3. *Евстигнеев С.А.* Россия и Запад: история и современность // Отечественная философия: русская, российская, всемирная: материалы V Рос. симп. историков русской философии / Отв. ред. Л.Е. Шапошников; Нижегородский гуманитарный центр. – Н.Новгород, 1998. – С. 225–228.
4. *Киреевский И.* Собрание сочинений: в 2 т. / Под ред. М. Гершензона. – М.: Путь, 1911. – Т.1. – 289 с.
5. *Кожин В.В.* О Евразийской концепции русского пути. URL: https://ruskline.ru/analitika/2021/01/25/o_evraziiskoi_koncepcii_russkogo_puti (дата обращения: 02.04.2021).
6. *Сметанина Т.А.* Формирование творческого подхода к пониманию библии в трудах П.Я. Чаадаева и славянофилов // Отечественная философия: русская, российская, всемирная: материалы V Рос. симп. историков русской философии / Отв. ред. Л.Е. Шапошников; Нижегородский гуманитарный центр. – Н. Новгород, 1998. – С. 411–414.
7. *Франк С.Л.* О задачах познания Пушкина // Русское мировоззрение: сб. / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. – СПб., 1996. – С. 248–273.
8. *Франк С.Л.* Пушкин и духовный путь России // Русское мировоззрение: сб. / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. – СПб., 1996. – С. 273–277.
9. *Франк С.Л.* Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Русское мировоззрение: сб. / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. – СПб., 1996. – С. 277–288.

10. *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы. – Л.: Советский писатель, 1969. – 595 с.

11. *Яновский Р.Г.* Личность, культура, общество: глобальные изменения на пороге третьего тысячелетия // Личность. Культура. Общество. – 1999. – № 1–2. – С. 7–91.